DOI: https://doi.org/10.15688/re.volsu.2026.3.7

UDC 332.1:338.242(571.17)
LBC 65.049(2Рос-4Кем)-56

Submitted: 15.04.2026
Accepted: 30.05.2026

INVESTMENT POLICY IN THE CONTEXT OF DEVELOPMENT MODELS OF KUZBASS: STRUCTURAL AND INSTITUTIONAL ANALYSIS [1]

Yuri A. Fridman

Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation

Olga A. Isupova

Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation

Alexander G. Pimonov

Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation;
T.F. Gorbachev Kuzbass State Technical University, Kemerovo, Russian Federation

Abstract. The article analyzes the investment policy of the Kemerovo region – Kuzbass in the context of competing models of regional development (inertial-raw materials, resource-industrial, and diversification models). A hypothesis is put forward that, despite the institutional modernization of the investment policy, it does not ensure the transition from the dominance of Kuzbass's raw materials specialization to a diversification model of regional development due to the structural inertia of the economy. The research methods used include structural analysis (assessment of the industry in investment flows), institutional analysis (research of mechanisms for investment policy implementation), and comparative analysis (comparison of actual investment dynamics with theoretical development models). The analysis was carried out for the period 2005–2024. The source of information was official statistics from open sources, program documents, and materials from the official websites of the Administration of the Kemerovo region – Kuzbass. The study identified the main characteristics of Kuzbass investment policy, including the slowdown in investment processes in the region, the specific structure of investments by sources of financing, the investment behavior of asset owners, and the relevance of investment determination. The study demonstrates the insufficiency of investment provision for economic activities in the region. Possible methods for its enhancement are suggested. The key contradiction is revealed. It states that the Kuzbass investment policy is institutionally consistent with the modern model of stimulation of investments but structurally reproduces raw materials specialization and is manifested, in particular, in the asymmetry of distribution of investment in favor of the coal industry, in the weak diversification of the Kuzbass economy, in the limited multiplier effect of new projects, and in the high dependence of the region on external markets. It is shown that the investment policy of the Kemerovo region – Kuzbass has a hybrid character and reproduces elements of raw material dependence. *Authors' contribution.* Yu.A. Fridman – idea setting and methodological basis of the study, justification of the relevance of the study, summary of analytical research materials, formulating conclusions; O.A. Isupova – analysis of the trends and features in the development of the investment sector in the Kemerovo region – Kuzbass, summary of research results; A.G. Pimonov – collection, systematization, and analysis of data, visualization and interpretation of research results.

Key words: investments, Kuzbass, investment policy, investment provision, sources of investment financing, regional economic development model, structural transformation, structural and institutional analysis.

Citation. Fridman Yu.A., Isupova O.A., Pimonov A.G., 2026. Investment Policy in the Context of Development Models of Kuzbass: Structural and Institutional Analysis. *Regionalnaya ekonomika. Yug Rossii* [Regional Economy. South of Russia], vol. 14, no. 3, pp. 78-90. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/re.volsu.2026.3.7

© Фридман Ю.А., Исупова О.А., Пимонов А.Г., 2026

УДК 332.1:338.242(571.17)
ББК 65.049(2Рос-4Кем)-56

Дата поступления статьи: 15.04.2026
Дата принятия статьи: 30.05.2026

ИНВЕСТИЦИОННАЯ ПОЛИТИКА В КОНТЕКСТЕ МОДЕЛЕЙ РАЗВИТИЯ КУЗБАССА: СТРУКТУРНО-ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ [1]

Юрий Абрамович Фридман

Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН,
г. Новосибирск, Российская Федерация

Ольга Алексеевна Исупова

Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН,
г. Новосибирск, Российская Федерация

Александр Григорьевич Пимонов

Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН,
г. Новосибирск, Российская Федерация;
Кузбасский государственный технический университет им. Т.Ф. Горбачева,
г. Кемерово, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируется инвестиционная политика Кемеровской области – Кузбасса в контексте конкурирующих моделей регионального развития: инерционно-сырьевой, ресурсно-индустриальной и диверсификационной. Выдвигается гипотеза о том, что, несмотря на институциональную модернизацию инвестиционной политики, она не обеспечивает переход от доминирования сырьевой специализации Кузбасса к диверсификационной модели развития региона вследствие структурной инерции экономики. В качестве методов исследования использованы структурный анализ (оценка отраслевой направленности инвестиционных потоков), институциональный анализ (исследование механизмов реализации инвестиционной политики) и сравнительный анализ (сопоставление фактической инвестиционной динамики с теоретическими моделями развития). Анализ выполнен за период 2005–2024 годов. Информационной базой послужили официальные статистические данные из открытых источников, программные документы, материалы официальных сайтов Администрации Кемеровской области – Кузбасса. В ходе исследования выделены основные характеристики инвестиционной политики в Кемеровской области: замедление инвестиционных процессов в регионе, специфика структуры инвестиций по источникам их финансирования, инвестиционное поведение собственников активов, актуальность инвестиционного детерминирования. Показана недостаточность инвестиционной обеспеченности хозяйственной деятельности в регионе. Предложены возможные методы ее повышения. Выявлено ключевое противоречие: инвестиционная политика Кузбасса институционально соответствует современной модели стимулирования инвестиций, но структурно воспроизводит сырьевую специализацию. Это проявляется, в частности, в асимметрии распределения инвестиций в пользу угольной отрасли; слабой диверсификации экономики Кузбасского региона; ограниченном мультипликативном эффекте новых проектов; высокой зависимости региона от внешних рынков. Установлено, что инвестиционная политика Кемеровской области – Кузбасса носит гибридный характер и воспроизводит элементы сырьевой зависимости. *Вклад авторов.* Ю.А. Фридман – формулирование идеи и методологической основы исследования, обоснование актуальности и обобщение аналитических материалов исследования, формулирование выводов; О.А. Исупова – анализ тенденций и особенностей развития в инвестиционной сфере Кемеровской области – Кузбасса, обобщение результатов исследования; А.Г. Пимонов – сбор, систематизация и анализ данных, визуализация и интерпретация результатов исследования.

Ключевые слова: инвестиции, Кузбасс, инвестиционная политика, инвестиционная обеспеченность, источники финансирования инвестиций, модель развития экономики региона, структурная трансформация, структурно-институциональный анализ.

Цитирование. Фридман Ю. А., Исупова О. А., Пимонов А. Г., 2026. Инвестиционная политика в контексте моделей развития Кузбасса: структурно-институциональный анализ // Региональная экономика. Юг России. Т. 14, № 3. С. 78–90. DOI: https://doi.org/10.15688/re.volsu.2026.3.7

Введение и постановка проблемы

Проблематика трансформации старопромышленных регионов занимает центральное место в современной региональной экономике. Кузбасс как крупнейший угледобывающий регион России демонстрирует классическую дилемму – необходимость сохранения экономической стабильности при одновременном переходе к новой модели роста. Инвестиционная политика в данном контексте выступает ключевым инструментом, определяющим перераспределение ресурсов между отраслями и, соответственно, направление структурных изменений. Для поддержания и развития капиталоемкого производственного комплекса Кузбасса требуется постоянный приток инвестиций.

Однако в последние годы наблюдается их недостаточное финансирование как для поддержания действующих производственных мощностей кузбасской экономики, так и для инновационных проектов, что затрудняет расширенное воспроизводство. В этих условиях в отраслях промышленности Кузбасса сложилась ситуация, когда в последние пять лет целый ряд перспективных инновационных проектов отложен либо работы по ним приостановлены по причине недофинансирования инвестиций [Инвестиционные проекты ... , 2025]. Косвенным подтверждением недостаточности инвестирования в основной капитал можно считать тот факт, что доля Кемеровской области – Кузбасса в формировании валового регионального продукта (далее – ВРП) Российской Федерации составляет 1,3 % (итоги 2024 г. из расчета в постоянных ценах 2021 г.), а в составе инвестиций в основной капитал – всего 1,1 %.

Как известно, «главный двигатель рыночной экономики – развитый инвестиционный рынок основного и человеческого капитала в органической взаимосвязи с конкурентной средой» [Соболевский, 2026: 6]. По мнению академика А.Г. Аганбегяна, доля инвестиций в основной капитал в России должна быть выше 25 % валового внутреннего продукта (далее – ВВП) [Соболевский, 2026].

По нашим оценкам (из расчета ВВП / ВРП в постоянных ценах 2021 г. и по данным Росстата: [Валовой внутренний продукт ... , 2025; Приложение к сборнику «Регионы ...», 2025]), в 2024 г. доля инвестиций в кузбасском ВРП (около 24,5 %) была ниже российского показателя, который превысил 27 % ВВП. Однако перед экономикой Кемеровской области в настоящее время стоят сложные трансформационные цели, остро стоят задачи сохранения трудовых компетенций в угледобыче и обрабатывающих отраслях, актуальными остаются задачи экологических программ, цели модернизации производственной инфраструктуры в крупных моногородах и стагнирующих малых городах региона, а также многие другие не менее масштабные и капиталоемкие задачи.

В связи с этим в Кузбассе желателен уровень инвестиций в ВРП, близкий к показателю в регионах с активным промышленным строительством или добычей ресурсов: республиках Татарстан и Башкортостан (более 33 %), Красноярском крае (33 %), Пермском крае (более 30 %) и др. Показатели регионов – лидеров по инвестиционной обеспеченности (Ленинградская область, Республика Крым, Чеченская Республика, Ямало-Ненецкий автономный округ, Республика Саха (Якутия), Забайкальский край и др.) превышают 38–42 % от ВРП (расчетные оценки авторов по данным: [Валовой региональный продукт ... , 2025; Приложение к сборнику «Регионы ...», 2025]). На этом фоне ситуация в инвестиционной сфере Кемеровской области представляется не вполне способной решить сложнейшие ключевые социально-экономические задачи региона.

Гипотеза исследования состоит в предположении, что институциональная модернизация инвестиционной политики Кузбасса не приводит к качественной структурной трансформации экономики вследствие доминирования сырьевой специализации и эффекта path dependence.

Исследовательский вопрос: в какой степени инвестиционная политика региона способствует его переходу от сырьевой к диверсификационной модели развития? Всеобщее правило гласит: мощный производственный потенциал, развитая инфраструктура и высокий человеческий капитал региона создают благоприятные условия для привлечения инвестиций. Однако в случае с Кузбассом это правило не работает, и при наличии всех этих характеристик темпы инвестирования в регионе замедляются (см. рис. 1).

Методология исследования

Анализ тенденций современной инвестиционной политики Кузбасса основан на сочетании следующих подходов: структурный анализ – оценка отраслевой направленности инвестиционных потоков; институциональный анализ – исследование механизмов реализации инвестиционной политики; сравнительный подход – сопоставление фактической политики с теоретическими моделями развития.

Ретроспективный анализ различных аспектов инвестиционной политики выполнен за период 2005–2024 годов. Это позволило выявить не только специфику различных периодов развития инвестиционной политики в Кузбассе, но сопоставить ее параметры с потребностями конкурирующих моделей развития экономики.

Теоретической основой исследования выступают: концепция ресурсной зависимости [Гавранек и др., 2016; Глазьев, 1993; Росс, 1999; и др.]; теория *path dependence* [Смит, Уолднер, 2021; Auty, 1993; Porter, 1990; и др.]; модели ревитализации старопромышленных регионов [Крюков и др., 2024; Мальцев, Мордвинова, 2019; Стратегия социально-экономического развития ... , 2020; Фридман и др., 2023а; 2023б; и др.].

Модели развития и инвестиционная политика

В экономической истории Кузбасса разрабатывались и применялись различные по своим целям и инструментам реализации модели экономического развития. *Инерционно-сырьевая модель* продолжает играть доминирующую роль в экономике региона. Инвестиции преимущественно направляются в угольную отрасль и связанные с ней сегменты (прежде всего в инфраструктуру). Так, основная доля инвестиций (35,2 %) в 2024 г. направлена была на развитие угледобывающей отрасли, в развитие транспортировки и хранения адресовано более 20 %, в обрабатывающие производства – менее 14 % (рис. 2).

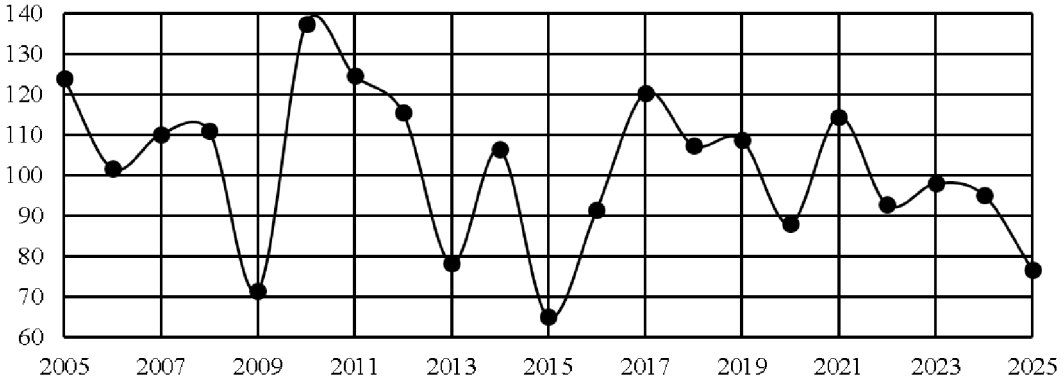

Рис. 1. Кемеровская область: индекс физического объема инвестиций в основной капитал за 2005–2025 гг., % к предыдущему году (в сопоставимых ценах)

Примечание. Составлено авторами по данным Росстата: [Приложение к сборнику «Регионы ...», 2025; Инвестиции. Официальная статистика, 2025].

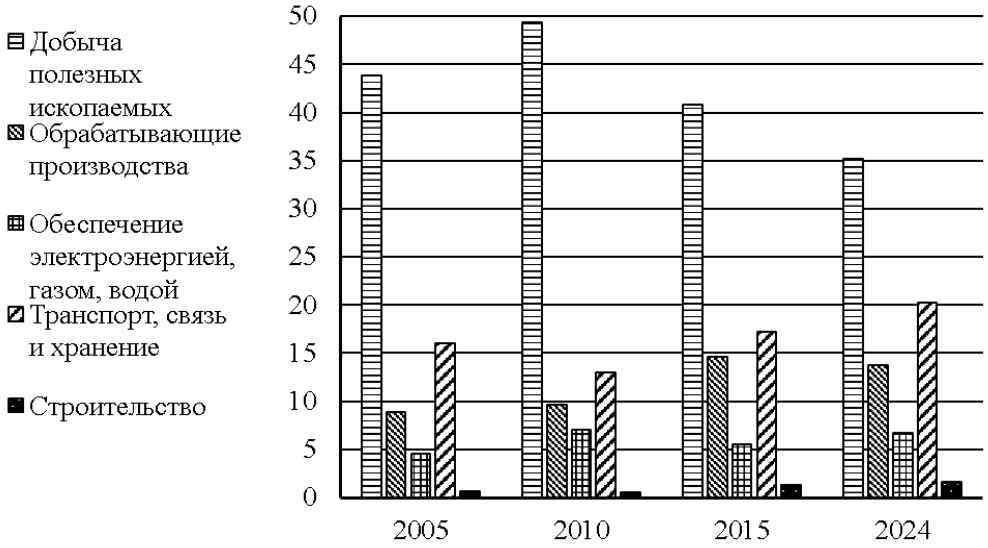

Рис. 2. Кемеровская область: динамика удельного веса инвестиций в основной капитал по отдельным видам экономической деятельности за период 2005–2024 гг., %

Примечание. Составлено авторами по данным Кемеровостата: [Статистический ежегодник «Кузбасс»].

Анализ показывает, что более 70 % инвестиций из всех источников финансирования в Кемеровской области – Кузбассе традиционно потребляют пять видов экономической деятельности: добыча полезных ископаемых; обрабатывающие производства; обеспечение электроэнергией, газом и водой; транспортировка, связь и хранение; строительство (см. рис. 2).

С точки зрения теории инерционно-сырьевая модель отвечает положениям: теории закрепления сравнительных преимуществ [Бернхофен, Браун, 2004; Маршалл, 1993; Рикардо, 2008; Porter, 1990; и др.]; теории ресурсной зависимости и усиления *path dependence* [Гавранек и др., 2016; Росс, 1999; Смит, Уолднер, 2021; и др.]; теории формирования «ресурсной ловушки» [Смит, Уолднер, 2021; Auty, 1993; Sachs, Warner, 1995; и др.].

Инвестиционная политика в данном случае выполняет репродуктивную функцию, обеспечивая региональную экономическую устойчивость, но не трансформацию социально-экономической системы региона.

Ресурсно-индустриальная модель. В рамках данной модели наблюдается попытка повышения эффективности базовой (сырьевой) отрасли через развитие переработки добываемого природного ресурса, технологическое обновление ресурсодобывающей отрасли, формирование индустриальных цепочек на базе кооперационных связей и интеграции. Такая модель повышает производительность, конкурентоспособность и позиции в цепочке создания стоимости за счет инноваций, цифровизации и экологически приемлемых технологий. На практике это соответствует логике *industrial upgrading*, однако не устраняет фундаментальную зависимость от сырьевого сектора [Азадаган, Вагнер, 2011; Программа развития … , 2020; Auty, 1993].

Диверсификационно-ревитализационная модель. Реиндустриализация, включая диверсификацию экономики и снижение зависимости от сырьевого сектора, намечалась в качестве средства перехода к многопрофильной экономике и до сих пор актуальна. Данная модель включает подход на основе функциональной трансформации экономики на базе изменения функций промышленных площадок и индустриальных зон. Она положила начало созданию новых отраслей и формированию общественного пространства, способствуя повышению уровня комфортности городской среды и достижению социальных целей. Она содержит креативные элементы, включая развитие ИТ-индустрии, центров креативных технологий, логистических хабов, складских комплексов и рекреационных зон [Стратегия социально-экономического развития … , 2020; Фридман и др., 2023а; 2023б]. В порядке современного подхода к управлению в рамках данной модели применим кластерный подход, который нашел в Кузбассе свою специфическую реализацию и показал более высокую эффективность взаимодействующих в рамках кластера предприятий по сравнению с автономными [Исупова, Пимонов, 2025].

Институционально регион демонстрирует движение в сторону диверсификации. Для реализации такой модели региональные власти используют различные протекционистские инструменты и подходы для поддержки процессов диверсификации экономики: создаются особые экономические зоны, обеспечивающие преференции поддерживаемым отраслям производства и услуг; функционируют территории опережающего развития, создающие особые режимы для предпринимательства и крупных мощностей; внедряется инвестиционный стандарт, направленный на обеспечение эффективности и инновационности вложений; реализуются меры поддержки инвесторов, в том числе конкурсное льготное кредитование различными фондами.

Тем не менее с точки зрения структурного анализа не обеспечиваются два решающих условия: доля инвестиций в новые отрасли остается ограниченной; отсутствует критическая масса для изменения экономической структуры региона.

Результаты исследования и обсуждение

В результате невыполнения вышеназванных условий в Кузбассе отмечается неустойчивый тренд физического объема инвестирования в основной капитал (см. рис. 1). Наибольший прирост объемов инвестиций в регионе приходился на 2010–2012 годы. В тот период существенно изменилась география закупки добычной, горнотранспортной и иной техники для угольной промышленности, где за те годы существенным образом удалось обновить парк оборудования [Старосвет, 2023]. Это способствовало росту добычи угля со 182 млн т в 2010 г. до 216 млн т (2015 г.) и 255,3 млн т в 2018 г. (исторический максимум). Высокий уровень добычи угля в Кузбассе поддерживался до 2022 г., однако к 2024 г. он снизился до 198,2 млн т (см. таблицу). Заметный рост инвестиционной активности в регионе с 2017 г. по 2019 г. связан с расширением импортозамещения и реализацией значимых для региона

крупных производственных инновационных проектов с участием инвесторов и заказчиков из других регионов России (Тульская область, ДНР, Республика Саха (Якутия), Челябинская область), в том числе и в обрабатывающем секторе промышленности региона [Старосвет, 2023].

Статистический и структурный анализы в инвестиционной сфере региона показали наличие следующих характеристик инвестиционной политики в Кемеровской области – Кузбассе.

1. Замедление инвестиционных процессов. Инвестиционные факторы становятся особо важными для сохранения и инновационной трансформации накопленного производственного потенциала промышленного комплекса Кемеровской области, особенно в условиях нарастания тенденций, связанных с замедлением его развития в последние несколько лет. Сохранение тенденций, сложившихся в инвестиционной сфере региона, вряд ли позволяет прогнозировать позитивное изменение ситуации в ближайшей перспективе с каким-либо ощутимым приростом объемов вложений. Наличие сдерживающих тенденций подтверждается депрессивной динамикой физического объема ВРП в Кемеровской области ($И_1$) за последние 5 лет (рис. 3), а также снижением объемов добычи угля (см. таблицу).

Динамика индекса физического объема инвестиций в основной капитал Кемеровской области ($И_2$) свидетельствует о замедлении роста этого показателя с отрицательной его приростной динамикой в последние три года. Инвестиции в угольную промышленность региона ($И_3$) демонстрируют существенные колебания за чертой 2019 г.: резкое падение их физических объемов в 2020 г. сменилось заметным приростом в следующие два года и затем вновь последовало снижение индекса, что свидетельствует о замедлении инвестиционного процесса и в угольной отрасли Кузбасса.

Как следствие, высока вероятность риска недостижения целей производственного развития угольной промышленности в силу ее недофинансирования, тем более что даже при заметном приросте инвестиций в угольную промышленность Кузбасса за 2021–2023 гг. (индекс $И_3$ имел значения в 112,0, 129,4 и 106,7 % соответственно) объем добычи угля продолжал снижаться (см. таблицу). При сокращении инвестирования в эту отрасль в 2024 г. (на 10,6 % к уровню 2023 г.) падение добычи угля превысило 11 млн т (2024 г.).

Приростная динамика инвестиций в основной капитал (изменение индекса $И_2$) за период 2005–2025 гг. (см. рис. 1) показывает заметную вариативность, изменяясь в отдельные годы в диапазоне от (+37) до (–35) %. Такая неравномерность не способствует ритмичному вводу мощностей, провоцируя риски прерывания и замораживания проектов, секвестирования целей и

Таблица

Динамика добычи угля в Кузбассе в 2019–2024 годах

Показатель	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.
Объем добычи угля, млн т	249,4	219,9	241,9	220,5	209,9	198,2

Примечание. Составлено по данным Кемеровостата: [Статистический ежегодник «Кузбасс»].

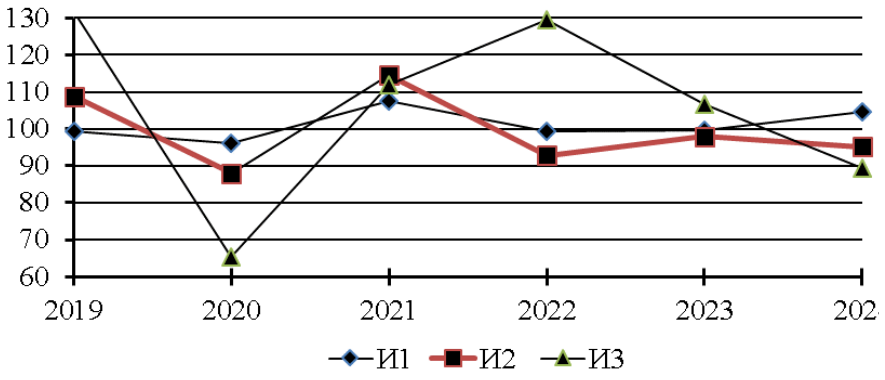

Рис. 3. Кемеровская область: индексы физических объемов ВРП ($И_1$), инвестиций в основной капитал ($И_2$) и инвестиций в основной капитал угольной промышленности ($И_3$) за 2019–2024 гг., в % к предыдущему году (в сопоставимых ценах)

Примечание. Составлено авторами по данным Росстата и Кемеровостата: [Валовой региональный продукт ... , 2025; Приложение к сборнику «Регионы ...», 2025; Статистический ежегодник «Кузбасс»].

показателей эффективности, что не содействует повышению экономического потенциала региона. В таких условиях достижение целей диверсификационной модели развития экономики области вызывает оправданное опасение.

Обратим внимание, что за 2005–2025 гг. снижение реальных объемов инвестиций отмечалось по итогам 9 лет (из 21-летнего периода), а рост инвестиций – по итогам 12 лет (см. рис. 1). Однако глубина этих снижений значительно превышает приростные показатели, тем самым нивелируя позитивные изменения в динамике инвестиций (по результатам 2024 г. уровень инвестиций в Кузбассе даже недотянул до планки, достигнутой в 2005 г.; в 2025 г. инвестиции в основной капитал снова упали и в итоге их уровень составил всего 76,6 % к уровню 2005 г.). Это также подтверждает не только неравномерность развития инвестиционного процесса, но и фактическое его замедление в Кузбассе, что повышает риск «отката назад», в том числе к абсолютному доминированию сырьевого сектора.

2. Специфика структуры инвестиций по источникам финансирования. Важнейшей причиной замедления инвестиционного процесса в Кузбассе является структура инвестиций по источникам финансирования, что стало следствием низкого уровня доступности небанковских источников для экономики региона. Анализ структуры инвестиций в Кемеровской области свидетельствует о высокой доле собственных средств предприятий и организаций в общем объеме инвестиций: в отдельные годы эта доля превышала 70 %. Такое положение дел нельзя назвать абсолютно негативным. Ситуация, когда предприятия справляются с инвестиционной нагрузкой за счет собственных средств, нормальная и даже желательная в ординарных условиях. Вместе с тем, учитывая задачи структурной трансформации экономики, ее диверсификации и масштабов необходимого обновления мощностей во многих отраслях кузбасской индустрии (в частности, в машиностроении), собственных средств предприятий может быть недостаточно. В итоге диверсификационная модель развития региона может столкнуться с низкой инвестиционной обеспеченностью или даже дефицитом инвестиционных вложений.

Данные на рисунке 4 свидетельствуют: вплоть до последнего времени (2021–2024 гг.) в составе заемных средств, привлекаемых для инвестирования в основной капитал, преобладали кредиты банков, составляя до 18 % общих вложений (2007 г., самый высокий уровень за анализируемый период). Однако это крайне низкий показатель, и он ниже среднего по России, который, хотя и не достиг рекомендованного уровня, продолжает расти, несмотря на высокую ключевую ставку [Инвестиции в основной капитал … , 2024].

Для Кузбасса же характерна обратная тенденция – доля инвестиционных кредитов банков ниже рекомендованного уровня и при этом не растет (см. рис. 4). После 2010 г. доля банковских кредитов в составе инвестиций не опускалась ниже 7 %, а доля заемных средств других организаций не поднималась выше этого уровня. В 2022 г. доли двух этих источников в составе заемных средств практически сравнялись (составив немногим более 2 %), но за пределами 2022 г. доля банковских кредитов вновь превысила размер заемных средств других организаций. Это отличает кузбасский тренд от общероссийского, что объясняется положениями жесткой государственной кредитной политики, включающей вы-

Рис. 4. Кемеровская область: динамика долей заемных средств в составе инвестиций в основной капитал в 2005–2024 гг., %

Примечание. Составлено авторами по данным Кемеровостата: [Статистический ежегодник «Кузбасс»].

сокую ставку и сложные условия получения инвестиционных кредитов.

При этом нельзя не отметить, что такой уровень банковского кредитования инвестиций в основной капитал явно недостаточен. По мнению академика А.Г. Аганбегяна, Россия – «единственная страна, где инвестиционный кредит в основной капитал составляет немного больше 2 трлн рублей из 199 трлн банковских активов (данные на 2024 г.), в то время как в Китае и других странах инвестиционный кредит является важнейшим источником инвестиций, там доля инвестиций в 1,5–2 раза выше, чем в России. При этом у нас при крайне низкой доле инвестиций в ВВП доля инвестиционного кредита во всех инвестициях составляет 8 %, то есть в разы меньше доли инвестиций в странах, где инвестиции являются главным движущим источником социально-экономического роста» [Соболевский, 2026: 6]. Кузбасский уровень кредитной доли в финансировании инвестиций, составляющий в среднем в год за анализируемый период около 7 % (ниже среднего по России), также не может считаться достаточным.

Инвестиционный процесс в Кемеровской области не обходится без бюджетного заимствования, что является свойством бюджетной системы в РФ. В составе этих средств до 2014 г. преобладали средства областного бюджета (наивысшее достижение связано с 2009 г.: 8,4 % общего объема инвестиций). В период 2014–2020 гг. в составе привлеченных средств доминировали средства федерального бюджета, затем вновь усилилось участие областного бюджета, доля которого преобладает в структуре привлеченных бюджетных средств до настоящего времени (рис. 5). Тем не менее доля бюджетов всех уровней в структуре инвестиций в основной капитал не превышает в Кузбассе 16–17 % (в России этот источник обеспечивает от 15 до 22 % инвестиций в основной капитал [Инвестиции в основной капитал ... , 2024]).

Это объясняется возросшей поддержкой областным бюджетом некоторых инновационных проектов в ведущих отраслях экономики Кузбасса в форме льготных бюджетных займов и инвестиционного участия (софинансирования) [Инвестиционные проекты ... , 2025]. Доля местных бюджетов в составе инвестиций в основной капитал (в пределах 1,5 %) значительно ниже участия в инвестировании кузбасской экономики средств федерального и областного бюджетов (рис. 5), что вполне объяснимо ограниченными их возможностями в силу не столь значительных физических объемов местных бюджетов. Заметим: доля средств внебюджетных фондов в анализируемом периоде составляла от 0,1 до 0,2 % инвестиций в основной капитал Кемеровской области, в связи с чем влияние этих средств на инвестиционную политику региона можно не рассматривать.

3. Инвестиционное поведение собственников активов. Многие капиталоемкие проекты обновления и модернизации основного капитала основаны на вложениях собственников и представляют собой капитализацию чистой прибыли предприятий. Доля российских инвестиций в основной капитал в Кемеровской области за период с 2005 по 2024 г. была преобладающей и достигала в отдельные годы 90 % в их структуре (см. рис. 6).

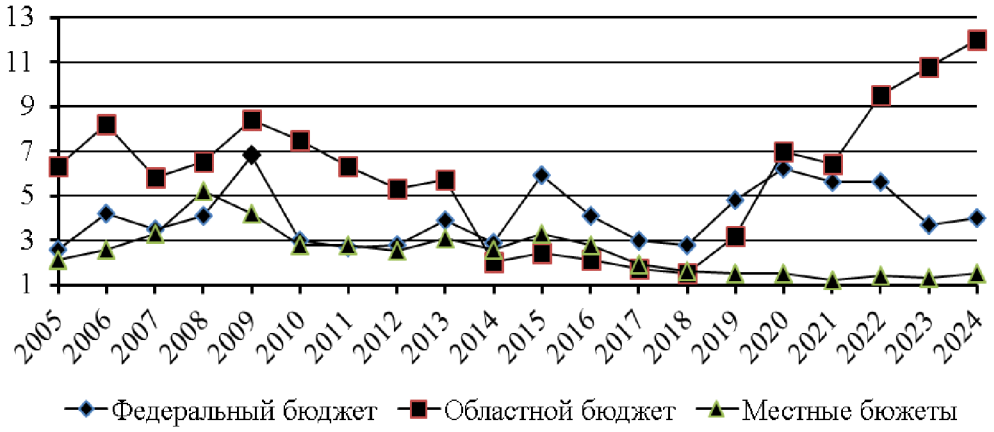

Рис. 5. Кемеровская область: динамика долей бюджетов разных уровней в финансировании инвестиций в основной капитал за 2005–2024 гг., %

Примечание. Составлено авторами по данным Кемеровостата: [Статистический ежегодник «Кузбасс»].

Иностранные инвестиции в кузбасскую экономику невелики (рис. 6). Основными странами-инвесторами являются Канада, Кипр, Швейцария. В период с 2005 по 2013 г. основной объем иностранных инвестирования в основной капитал был связан с необходимыми и обязательными, диктуемыми технологическими требованиями, вложениями собственников в поддержание и обновление основных фондов на угледобывающих предприятиях региона, находящихся в иностранной или совместной собственности. После 2013 г. иностранные инвестиции практически не поступали, что связано с внешними экономическими и геополитическими причинами.

Данная ситуация, помимо прочего, свидетельствует, что предприятия в Кузбассе, используя привлеченные и собственные средства, способны обеспечить необходимый для воспроизводственного процесса объем инвестиций. При этом, учитывая сложившиеся в инвестиционной сфере тенденции, следует обеспечить более высокую доступность к современным источникам инвестиций для обеспечения финансирования крупных промышленных инновационных проектов.

4. Актуальность инвестиционного детерминирования. Многопрофильный машиностроительный сектор, металлургия, электроэнергетика, промышленность строительных материалов, химические и другие производства обрабатывающего сектора реализуют инновационные, часто рисковые проекты. Для их финансирования наиболее приемлемы средства банков не в форме кредитов, а в форме прямого участия, венчурных фондов, частных инвесторских пулов, фондов поддержки промышленности, фондов поддержки предпринимательства и иных инвестиционных структур. Именно затрудненный доступ к этим источникам делает сложными задачи производственного и инфраструктурного обновления промышленности Кузбасса и сдерживает процессы ее структурной трансформации и диверсификации.

Для обеспечения достаточного физического объема инвестиций и доли инвестиций в новые отрасли, соответствующей требованиям диверсификационной модели, необходимо опережающее инвестирование в условиях детерминированности вложений. Речь идет о таком инвестиционном процессе, при котором экономическое развитие, рост производства и устойчивость развития определяются объемом и качеством инвестиций, которые выступают в качестве ключевого фактора, «предопределяющего» (детерминирующего) инновационные изменения, структурные преобразования и способность производственного комплекса области к запланированному росту. Кроме этого, детерминированное инвестирование включает принципы обеспечения проектной эффективности вложений, для чего применяются более жесткие механизмы регулирования отношений в инвестиционной сфере.

Анализ ретроспективных тенденций, сложившихся в инвестиционной политике, позволяет выявить ключевое противоречие: инвестиционная политика Кузбасса институционально соответствует современной модели стимулирования инвестиций, но структурно воспроизводит сырьевую специализацию. Это проявляется, в частности, в асимметрии распределения инвестиций в пользу угольной отрасли; слабой диверси-

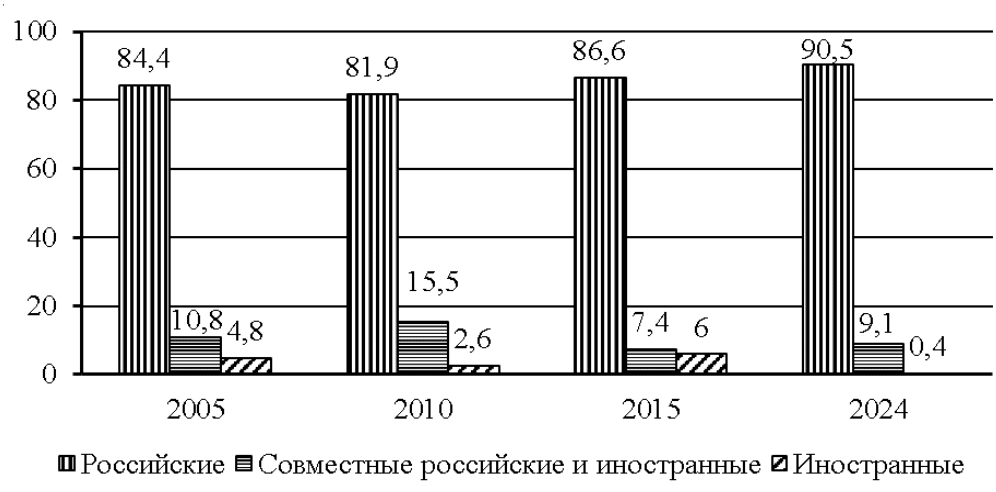

Рис. 6. Кемеровская область: динамика структуры инвестиций в основной капитал по формам собственности в 2005–2024 гг., %

Примечание. Составлено авторами по данным Кемеровостата: [Статистический ежегодник «Кузбасс»].

фикации экономики региона; ограниченном мультипликативном эффекте новых проектов; высокой зависимости региона от внешних рынков.

В целом же инвестиционная политика в Кемеровской области – Кузбассе носит гибридный характер, сочетая элементы всех трех экономических моделей развития без перехода к устойчивой диверсификационной траектории.

Заключение

Полученные результаты подтверждают выдвинутую гипотезу. Инвестиционная политика Кузбасса не обеспечивает в полной мере структурную трансформацию экономики, несмотря на институциональные улучшения. Ключевым ограничением является эффект *path dependence*, закрепляющий доминирование угольной отрасли. Для перехода к новой диверсификационно-ревитализационной модели развития региона необходимо: изменение отраслевой структуры инвестиций; усиление роли несырьевых секторов экономии; развитие человеческого капитала; формирование новых центров экономической активности.

Представленные проблемы инвестиционной политики региона, конечно, не охватывают весь круг специфических особенностей и проблем, которые возникают в этой сложной системе отношений. Однако представление о процессах в этой сфере, усиление внимания к важнейшим проблемам, в том числе поиску современных источников финансирования инвестиций, может позитивно повлиять на их изменение.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] Работа выполнена по плану НИР ИЭОПП СО РАН, проект «Экономика регионов Сибири в условиях внешних и внутренних вызовов: интеграция и кооперация», № 126021116962-1.

The research was carried out with the plan of research work of IEIE SB RAS, project “The economy of Siberian regions in the context of external and internal challenges: integration and cooperation”, № 126021116962-1.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Азадаган А., Вагнер Ш., 2011. Промышленная модернизация, эксплуатационные инновации и поисковые инновации // Международный журнал экономики производства. Т. 130 (1). С. 54–65.

Бернхофен Д. М., Браун Дж. К., 2004. Прямая проверка теории сравнительных преимуществ: случай Японии // Journal of Political Economy. Т. 112, № 1. С. 48–67. DOI: 10.1086/379944

Валовой внутренний продукт. ВВП годы (с 1995 г.). Национальные счета. Официальная статистика, 2025 // Интернет-портал Росстата. URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts

Валовой региональный продукт. ВРП ОКВЭД 2 (с 2016 г.). Национальные счета. Официальная статистика, 2025 // Интернет-портал Росстата. URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts

Гавранек Т., Хорват Р., Зейналов А., 2016. Природные ресурсы и экономический рост: метаанализ // World Development. Vol. 88. С. 134–151. DOI: 10.1016/j.worlddev.2016.07.016

Глазьев С. Ю., 1993. Теория долгосрочного технико-экономического развития. М. : ВлаДар. 310 с.

Инвестиции. Официальная статистика, 2025 // Интернет-портал Кемеровостата. URL: https://42.rosstat.gov.ru/folder/38705

Инвестиции в основной капитал в России, по регионам, 2024. URL: https://statbase.ru/datasets/national-statistics-of-russia/finance-taxes-business/investments-in-fixed-capital-by-region-national-stat/

Инвестиционные проекты. Цифровая платформа, 2025. URL: https://investprojects.info/search/search

Исупова О. А., Пимонов А. Г., 2025. Машиностроительный кластер Кузбасса в контексте диверсификации экономики сибирских регионов // Экономика и управление инновациями. № 3. С. 50–58. DOI: 10.26730/2587-5574-2025-3-50-58

Крюков В. А., Фридман Ю. А., Логинова Е. Ю., Речко Г. Н., Хохрина О. И., 2024. Стратегии развития Кузбасса в контексте концепции ревитализации старопромышленного региона // Экономика региона. Т. 20, № 4. С. 978–992. DOI: 10.17059/ekon.reg.2024-4-1

Мальцев А. А., Мордвинова А. Э., 2019. Ревитализация старопромышленных регионов: зарубежный опыт // Мировая экономика и международные отношения. Т. 63, № 7. С. 40–48. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-7-40-48

Маршалл А., 1993. Принципы экономической науки. М. : Прогресс. 414 с.

Приложение к сборнику «Регионы России. Социально-экономические показатели», 2025. М. : Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/47652

Программа развития угольной промышленности России на период до 2035 года, 2020. URL: http://static.government.ru/media/files/OoKX6PriWgDz4CNNAxwIYZEE6zm6I52S.pdf

Рикардо Д., 2008. Начала политической экономии и налогового обложения. Избранное. М. : Эксмо. 960 с.

Росс М. Л., 1999. Политическая экономия ресурсного проклятия // World Politics. Т. 51 (2). С. 297–322. DOI: 10.1017/S0043887100008200

Смит Б., Уолднер Д., 2021. Переосмысление «ресурсного проклятия». Кембридж : Изд-во Кембридж. ун-та. 96 с. DOI: 10.1017/9781108776837

Соболевский А., 2026. Экономика сквозь время : (Интервью А.Г. Аганбегяна) // Наука в Сибири. № 9 (3523). С. 6–8. URL: https://www.sbras.info/sites/default/files/2026-03/NVS_9_2026.pdf

Старосвет Л., 2023. Ведущие предприятия машиностроения Кузбасса постоянно проводят модернизацию. URL: https://avant-partner.ru/partner/9179.html

Статистический ежегодник «Кузбасс». 2009, 2014, 2019, 2023, 2024. URL: http://service.kemerovostat.gks.ru/bgd/EJEGOD/Main.htm

Стратегия социально-экономического развития Кемеровской области – Кузбасса на период до 2035 года (утв. Законом Кемеровской области – Кузбасса № 163-ОЗ от 23.12.2020), 2020. URL: https://docs.cntd.ru/document/571049329

Фридман Ю. А., Логинова Е. Ю., Речко Г. Н., Хохрина О. И., 2023а. Диверсификация экономики Кузбасса: концепция коридоров развития // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. № 16 (9). С. 1576–1583.

Фридман Ю. А., Речко Г. Н., Логинова Е. Ю., Крицкий Д. В., 2023б. Кузбасс: смена парадигмы развития и структурная трансформация // Мир экономики и управления. Т. 23, № 1. С. 16–31. DOI: 10.25205/2542-0429-2023-23-1-16-31

Auty R. M., 1993. Sustaining Development in Mineral Economies: The Resource Curse Thesis. L. : Routledge. 272 p.

Porter M., 1990. The Competitive Advantage of Nations. N. Y. : Free Press. 855 c.

Sachs J. D., Warner A. M., 1995. Natural Resource Abundance and Economic Growth // NBER Working Paper. № 5398. DOI: 10.3386/w5398

REFERENCES

Azadagan A., Vagner Sh., 2011. Promyshlennaya modernizatsiya, ekspluatatsionnye innovatsii i poiskovye innovatsii [Industrial Modernization, Operational Innovation and Exploratory Innovation]. *Mezhdunarodnyj zhurnal ekonomiki proizvodstva* [International Journal of Production Economics], vol. 130 (1), pp. 54-65.

Bernhofen D.M., Braun Dzh.K., 2004. Pryamaya proverka teorii sravnitelnykh preimushchestv: sluchay Yaponii [A Direct Test of Comparative Advantage Theory: The Case of Japan]. *Journal of Political Economy*, vol. 112, no. 1, pp. 48-67. DOI: 10.1086/379944

Valovoy vnutrenniy produkt. VVP gody (s 1995 g.). Natsionalnye scheta. Ofitsialnaya statistika [Gross Domestic Product. GDP (since 1995). National Accounts. Official Statistics], 2025. *Internet-portal Rosstata* [Internet Portal of the Federal State Statistics Service]. URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts

Valovoy regionalnyj produkt. VRP OKVED 2 (s 2016 g.). Natsionalnye scheta. Ofitsialnaya statistika [Gross Regional Product. GRP to OKVED-2 (since 2016). National Accounts. Official Statistics], 2025. *Internet-portal Rosstata* [Internet Portal of the Federal State Statistics Service]. URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts

Gavranek T., Horvat R., Zeinalov A., 2016. Prirodnye resursy i ekonomicheskii rost: metaanaliz [Natural Resources and Economic Growth: A Meta-Analysis]. *World Development*, vol. 88, pp. 134-151. DOI: 10.1016/j.worlddev.2016.07.016

Glazyev S.Yu., 1993. *Teoriya dolgosrochnogo tehniko-ekonomicheskogo razvitiya* [Theory of Long-Term Technical and Economic Development]. Moscow, VlaDar Publ. 310 p.

Investitsii. Ofitsialnaya statistika [Investments. Official Statistics], 2025. *Internet-portal Kemerostata* [Kemerostat Internet Portal]. URL: https://42.rosstat.gov.ru/folder/38705

Investitsii v osnovnoi kapital v Rossii, po regionam [Investments in Fixed Capital in Russia, by Regions], 2024. URL: https://statbase.ru/datasets/national-statistics-of-russia/finance-taxes-business/investments-in-fixed-capital-by-region-national-stat/

Investitsionnye proekty. Tsifrovaya platforma [Investment Projects. Digital Platform], 2025. URL: https://investprojects.info/search/search

Isupova O.A., Pimonov A.G., 2025. Mashinostroitelnyj klaster Kuzbassa v kontekste diversifikatsii ekonomiki sibirskikh regionov [Kuzbass Machine-Building Cluster in the Context of Economic Diversification of Siberian Regions].

Ekonomika i upravlenie innovatsiyami [Economics and Innovation Management], no. 3, pp. 50-58. DOI: 10.26730/2587-5574-2025-3-50-58

Kryukov V.A., Fridman Yu.A., Loginova E.Yu., Rechko G.N., Khokhrina O.I., 2024. Strategii razvitiya Kuzbassa v kontekste kontseptsii revitalizatsii staropromyshlennogo regiona [Kuzbass in Transition: Development Strategies for Revitalizing an Old Industrial Region]. *Ekonomika regiona* [Economy of Regions], vol. 20, no. 4, pp. 978-992. DOI: 10.17059/ekon.reg.2024-4-1

Maltsev A.A., Mordvinova A.E., 2019. Revitalizatsiya staropromyshlennykh regionov: zarubezhnyj opyt [Old Industrial Regions Revitalization: Foreign Experience]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], vol. 63, no. 7, pp. 40-48. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-7-40-48

Marshall A., 1993. *Printsipy ekonomicheskoi nauki* [Principles of Economics]. Moscow, Progress Publ. 414 p.

Prilozhenie k sborniku «Regiony Rossii. Sotsialno-ekonomicheskie pokazateli» [Appendix to the Collection "Regions of Russia. Socioeconomic Indicators"], 2025. Moscow, Rosstat. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/47652

Programma razvitiya ugolnoy promyshlennosti Rossii na period do 2035 goda [Program for the Development of the Coal Industry in Russia for the Period up to 2035], 2020. URL: http://static.government.ru/media/files/OoKX6PriWgDz4CNNAxwIYZEE6zm6I52S.pdf

Rikardo D., 2008. *Nachala politicheskoy ekonomii i nalogovogo oblozheniya. Izbrannoe* [Principles of Political Economy and Taxation. Selected Works]. Moscow, Eksmo Publ. 960 p.

Ross M.L., 1999. Politicheskaya ekonomiya resursnogo proklyatiya [The Political Economy of the Resource Curse]. *World Politics*, vol. 51 (2), pp. 297-322. DOI: 10.1017/S0043887100008200

Smit B., Uoldner D., 2021. *Pereosmyslenie «resursnogo proklyatiya»* [Rethinking the Resource Curse]. Cambridge, Izd-vo Kembridzh. un-ta. 96 p. DOI: 10.1017/9781108776837

Sobolevskiy A., 2026. Ekonomika skvoz vremya: (Intervyu A.G. Aganbegyana) [Economics Through Time. (Interview with A.G. Aganbegyan)]. *Nauka v Sibiri* [Science in Siberia], no. 9 (3523), pp. 6-8. URL: https://www.sbras.info/sites/default/files/2026-03/NVS_9_2026.pdf

Starosvet L., 2023. *Vedushchie predpriyatiya mashinostroeniya Kuzbassa postoyanno provodyat modernizatsiyu* [Kuzbass Leading Engineering Enterprises are Constantly Modernizing]. URL: https://avant-partner.ru/partner/9179.html

Statistitseskiy ezhegodnik «Kuzbass» [Statistical Yearbook "Kuzbass"], 2009, 2014, 2019, 2023, 2024. URL: http://service.kemerovostat.gks.ru/bgd/EJEGOD/Main.htm

Strategiya socialno-ekonomicheskogo razvitiya Kemerovskoy oblasti – Kuzbassa na period do 2035 goda (utv. Zakonom Kemerovskoi oblasti – Kuzbassa № 163-OZ ot 23.12.2020) [Socio-Economic Development Strategy of the Kemerovo Region – Kuzbass Until 2035: Kemerovo Region Law No. 163-OZ Dated December 23, 2020], 2020. URL: https://docs.cntd.ru/document/571049329

Fridman Yu.A., Loginova E.Yu., Rechko G.N., Khokhrina O.I., 2023a. Diversifikatsiya ekonomiki Kuzbassa: kontseptsiya koridorov razvitiya [Kuzbass Economic Diversification: The Concept of Development Corridors]. *Zhurnal Sibirskogo federalnogo universiteta Gumanitarnye nauki* [Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences], no. 16 (9), pp. 1576-1583.

Fridman Yu.A., Rechko G.N., Loginova E.Yu., Kritskiy D.V., 2023b. Kuzbass: smena paradigmy razvitiya i strukturnaya transformatsiya [Kuzbass: Change of Development Paradigm and Structural Transformation]. *Mir ekonomiki i upravleniya* [World of Economics and Management], vol. 23, no. 1, pp. 16-31. DOI: 10.25205/2542-0429-2023-23-1-16-3

Auty R.M., 1993. *Sustaining Development in Mineral Economies: The Resource Curse Thesis.* London, Routledge. 272 p.

Porter M., 1990. *The Competitive Advantage of Nations.* New York, Free Press. 855 p.

Sachs J.D., Warner A.M., 1995. Natural Resource Abundance and Economic Growth. *NBER Working Paper*, no. 5398. DOI: 10.3386/w5398

Information About the Authors

Yuri A. Fridman, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Chief Researcher, Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Prosp. Akad. Lavrentieva, 17, 630090 Novosibirsk, Russian Federation, yurifridman@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-3120-7197

Olga A. Isupova, Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Researcher, Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Prosp. Akad. Lavrentieva, 17, 630090 Novosibirsk, Russian Federation, rinozerus@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-7200-9475

Alexander G. Pimonov, Doctor of Sciences (Engineering), Professor, Senior Researcher, Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Prosp. Akad. Lavrentieva, 17, 630090 Novosibirsk, Russian Federation; Head of the Department of Applied Information Technologies, T.F. Gorbachev Kuzbass State Technical University, Vesennya St, 28, 650000 Kemerovo, Russian Federation, pag_vt@kuzstu.ru, https://orcid.org/0000-0002-9615-1895

Информация об авторах

Юрий Абрамович Фридман, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН, просп. Акад. Лаврентьева, 17, 630090 г. Новосибирск, Российская Федерация, yurifridman@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-3120-7197

Ольга Алексеевна Исупова, кандидат экономических наук, доцент, научный сотрудник, Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН, просп. Акад. Лаврентьева, 17, 630090 г. Новосибирск, Российская Федерация, rinozerus@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-7200-9475

Александр Григорьевич Пимонов, доктор технических наук, профессор, старший научный сотрудник, Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН, просп. Акад. Лаврентьева, 17, 630090 г. Новосибирск, Российская Федерация; заведующий кафедрой прикладных информационных технологий, Кузбасский государственный технический университет им. Т.Ф. Горбачева, ул. Весенняя, 28, 650000 г. Кемерово, Российская Федерация, pag_vt@kuzstu.ru, https://orcid.org/0000-0002-9615-1895